

И.С. Хугаев

ОБРАЗ ВРАГА. РУСОФОБИЯ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

И.С. Хугаев*

1. ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ ТОЛСТОГО

За что люди не любят друг друга?.. стоп: вопрос некорректный, ибо по нему выходит, что это универсальное правило, и в человечестве каждый ненавидит каждого. «Но нет: тогда б не мог // И мир существовать», – говорит в трагедии Пушкина Моцарт, хотя и по другому поводу. И в самом деле, любопытно заметить, что никогда в истории человечества мера ненависти не превышала меру любви: иначе некому было бы сделать и это праздное наблюдение.

Лучше спросить просто: каковы причины любви и ненависти?.. Очевидно, самые разные; но если брать вопрос в чисто этическом плане, все внешние смыслы отшелушатся, и останется в руках плотный початок толстовского обобщения: «*Мы любим людей за то добро, которое мы им сделали, и не любим за то зло, которое мы им сделали*»; «*нам всегда кажется, что нас любят за то, что мы хороши. А не догадываемся, что любят нас оттого, что хороши те, кто нас любит*».

Вот почему взаимность – и в любви, и в ненависти – такое редкое явление, и каждый из нас может быть кем-нибудь любим, а кем-то – ненавидим.

Родитель любит свое дитя не только за кровное родство, но еще и потому, что много в него вложил добра душевного и материального. А ребенок, обманувший ожидания родителя и причинивший ему боль, завтра, возможно, будет его ненавидеть. Как свидетеля своего вероломства.

Подайте бродяге милостыню – и вы полюбите его. Отвернитесь или обругайте – и возненавидите его. Скряга – всегда мизантроп. Чтобы любить, отдавайте. Мы всегда хотим купить любовь других, а надо бы купить свою.

2. ХОРОШАЯ ВОЙНА

За что же не любят – и любят друг друга – народы? Уж не за то же ли самое, если мы согласны в том, что народ – это тоже личность, пусть и не умопостигаемая?.. Нет, вряд ли. Тогда немцы долж-

ны были бы ненавидеть евреев, русских, поляков... Хотя кто их знает – немцев?.. Зато наверняка можно утверждать, что русские не питают ненависти ни к немцам, ни к евреям, ни к полякам... Потому что не сделали им никакого зла. Не потому мы делаем зло, что ненавидим, а ненавидим, потому что делаем зло. Отчего же мы тогда делаем зло? – да просто оттого, что мы злы. Добро требует от нас усилия, а зло творится само собой, просто по популению.

И точно так же, как есть отдельные люди, способные мстить своему благодетелю – за то добро, которое тот ему делает (почему, дескать, не я делаю ему добро, а он мне? чем, дескать, он лучше меня?), – есть и народы, в ментальных недрах которых может зародиться неприязнь к народу цивилизирующему и покровительствующему. Бывало, что народы истреблялись, как свидетели истории, как носители некой осознанной или даже бессознательной генетической памяти.

Искушениям и наветам духа неприязни всегда и равно подвержены и индивидуальное, и коллективное сознание. Если не пресекать ежеминутно нечестные помыслы на корню, ненависть зацветет на наших грядках буйным цветом, и злаки станут бесильны против сорняков. Тогда и приходит старуха с косой, уже не разбирая ни сорняков, ни злаков.

Хорошая война – это кровопускание для буйных народов. Для них она – истинное добро. Как отрезвляющая оплеуха для авиадебошира.

3. НАРОД КАК МОРЕ

Бывало, что целым народам ставили в пример отдельных людей: будь они даже герои истории, это некорректно, потому что народ – личность высшего порядка, он и так герой истории, даже если он не представлен в ООН. Я, естественно, говорю о народе состоявшемся, о народе, а не населении, как понимают народ либералы. Народ свободнее отдельного человека; во всяком случае, человеку наказано любить другого человека, как самого себя – а народу ничего не наказано, – как если бы он

* Хугаев Ирлан Сергеевич – д. ф. н., ведущий научный сотрудник ВНЦ РАН.

и без того все знал, – и его нельзя напугать адом. Нет ни одного человека, интересы которого всецело совпадали бы с интересами его народа. Все тяготения в народном теле компенсируются или резонируют непостижимо и непредсказуемо, как волны на море, и всегда стремятся к равновесию и покою: каждое море хочет быть Тихим океаном. Народ всегда добрее самого доброго человека. Не бросайте в спокойное море камней.

Либералы ставят во главу угла отдельного человека с его правами, прихотями и похотями. Между тем еще не бывало, чтобы народ жертвовал собой ради человека, а сплошь и рядом – прекраснейшие из людей, которыми хотелось бы любоваться вечно – жертвуют собой ради народа.

Бывало, что герои давали жизнь народам и становились отцами народов, но это крайняя редкость, зато повсеместно даже малые народы рожают великанов.

Знаете, как сказал Максим Горький? – «И Достоевский велик, и Толстой гениален, и все вы, господа, если вам угодно, талантливы, умны, но Русь и народ ее – значительнее, дороже Толстого, Достоевского и даже Пушкина, не говоря о всех нас».

По-настоящему Землю обитает не люди, а народы, наделенные высшим знанием. Они лежат на ней, как моря, которые соприкасаются, но отчего-то не смешиваются. Между ними случаются войны, но не бывает кровной мести: воевать могут и народы, но враждовать могут только люди и племена. Народ – это личность умеренная и степенная. Он бес-сознательно и стихийно мудр. Человек может быть атеистом, но народ всегда религиозен. Человек может солгать, а народ, как писал Дзахо Гатуев, всегда говорит правду. Проблема только в том, чтобы верно слышать его голос. Референдум никогда не кончается.

4. ЭСТЕТИКА НЕНАВИСТИ

За что не любят Россию? Внутри и вовне, и в дальнем, и в ближнем зарубежье? Вот именно. За то зло, которое ей причинили, и за то добро, которая она причинила. За что же еще? Россия своей историей подтвердила верность десятков народных пословиц и притч, иллюстрирующих реальные отношения благодетели и благодарности («хорз ма ракæ, æмæ æвзæр ма ссарай» / «от добра добра не ждут»).

Как и любая фобия, русофобия безобразна. И когда по неопытности или коварству кто-либо пытается ее обосновать либо научно, либо художественно, получается то, что получилось, к примеру, у не по годам и не по таланту знаменитой «свидомой» украинки Анастасии Дмитрук, которая написала:

*Никогда мы не будем братьями
ни по родине, ни по матери.
Духа нет у вас быть свободными,*

*нам не стать с вами даже сводными.
Вы себя окрестили старшими,
нам бы младшими, да не вашими.
Вас так много, а, жаль, безликие.
Вы – огромные, мы – великие.
А вы жмете, все вы маетесь,
своей завистью вы подавитесь.
Воля – слово, вам незнакомое,
вы все с детства в цепи закованы.
У вас дома молчанье – золото,
а у нас жгут коктейли Молотова.
А у нас зато кровь горячая.
Что ж вы нам за родня незрячая?
А у нас всех глаза бесстрашные,
без оружия мы опасные.
Повзрослели и стали смелыми,
все у снайперов под прицелами.
Нас КОТы на колени ставили,
мы восстали и все исправили.
И зря прячутся крысы, молятся,
они кровью своей умоются.
Вам шлют новые указания,
а у нас тут огни восстания.
У вас царь, у нас – демократия!
Никогда мы не будем братьями.*

За технику я, может быть, поставил бы Настеньке вялую троечку с минусом, но за содержание – твердый кол.

Подобно тому, как нельзя вывести лживую математическую формулу, нравственная ложь не поддается поэтическому оформлению. Существует ли эстетика ненависти? – существует. Это пошлость. Свастика и факельные шествия – это пошло.

Поэзия всегда стояла на страже правды. Искусство противоположно пропаганде. Искусство может что-нибудь пропагандировать, но это один из его побочных эффектов, притом из самых грубых.

Стихи и песни о ненависти есть, но не о простой ненависти, а только о священной. «Священная война»: величайшая песня всех времен и народов; немцы, услышав ее, должны были понять, что будут разбиты наголову. Как война может быть только священной, так и ненависть. Это как физическая близость полов, законная только в любви, и которая иначе превращается в абсолютную пошлость. Нельзя воспеть чистый секс. Его-то и пытается воспеть телевизионная эстрада.

Что же такое священная ненависть? – это такая ненависть, которая идет рядом с любовью и выступает как бы ее тенью. По большому счету, «Священная война» – песня не о ненависти, а о любви: о любви к «братьям и сестрам» и родной земле. Не может быть прекрасной песни о ненависти.

Дмитрук ничего не знает о ненависти. У нее только надуманные подростковые обиды и кружевные мечтаницы. Лебедев-Кумач знал. И Бродский. И о любви, соответственно.

Так-то. Все бросились ей, Анастасии Дмитрук, писать ответы и пародии, но на самом деле это

было лишено какого-либо политического и поэтического смысла, потому что ей заранее и давно (еще, возможно, до ее рождения) ответили. Именно Бродский ответил (его не заподозришь в великорусском шовинизме) в феврале 1994 года, после того, как Украина стала участником программы НАТО «Партнерство ради мира». Тогда еще, может быть, и не скакали открыто и не кричали «москаляку на гиляку» и «кто не скачет, той москаль», но поэты случаются иногда пронизательные, как разведчики. Бродский все понял и написал «На независимость Украины»:

*(...) Скажем им, звонкой матерью
паузы метя строго:
Скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря – в мундире,
По адресу на три буквы, на стороны все четыре.
Пусть теперь в мазанке хором гансы
С ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть, так сообща,
сук выбирая в чаще,
А курицу из борща грызть в одиночку слаще.
Прощевайте, хохлы, пожили вместе – хватит!
Плюнуть, что ли, в Днепро, может,
он всясть покатит.
Брезгуя гордо нами, как оскомой битком набиты,
Отторгнутыми углами и вековой обидой.
Не поминайте лихом, вашего хлеба, неба
Нам, подавшись вы жмыхом, не подолгом не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду,
Кончилась, знать, любовь, коль и была промежду.
Что ковыряться зря в рваных корнях покопом.
Вас родила земля, грунт, чернозем с подзюблом,
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Эта земля не дает, вам, калунам, покоя.
Ой, ты левада, степь, краля, баштан, вареник,
Больше, поди, теряли – больше людей, чем денег.
Как-нибудь перебьемся. А что до слезы из глаза
Нет на нее указа, ждать до другого раза.
С Богом, орлы и казаки, гетьманы, вертухаи,
Только когда придет и вам помирать, бугаи,
Будете вы хрипеть, цараяя край матраца,
Строчки из Александра, а не брехню Тараса.*

Это самое русское стихотворение Бродского. Его задели за живое – живое оказалось русским. В этих стихах сжато в пучок все, что сегодня думает русский народ об украинском. И не только. О всех народах, избалованных русской любовью.

Представьте себе, как это страшно, когда все вокруг скачут и кричат какую-нибудь кричалку. Не приведи бог увидеть такое и быть поставленным перед таким экзистенциальным выбором: скакать или не скакать? Именно так, вероятно, стоит вопрос для какого-нибудь украинского Гамлета.

Однажды я был на футбольном матче нашей «Алании» в эпоху ее триумфального шествия. Вдруг все зрители, в приливе самозабвенного восторга, стали прыгать, взяв друг друга под локоть,

как Нарты в симде, нарочно сотрясая трибуну. Трибуна загудела и вдруг ощутимо и мерно закачалась, вызвав еще больший восторг публики. Я ждал, когда мы рухнем. Бежать было невозможно. Я был, как Трус между Балбесом и Бывалым.

Когда полк идет через мост, разумный командир дает команду сбить шаг, чтобы не вызвать критический резонанс.

Народ, качущий синхронно, рискует провалиться в ад.

5. ЧИТО ГРИТО

Десять лет прошло с той... олимпийской войны. Да, для нас она была олимпийской, и была одержана нами олимпийская, горная победа.

Недавно скончавшийся Джон Маккейн, да упокоится его душа, говорил в те дни: «Я грузин. Сегодня мы все – грузины». Это правда. Иначе Саакашвили не открыл бы пальбу. Грузин тогда было 330 миллионов. А если считать все «прогрессивное человечество», то почти миллиард. Что же Грузия жалуется, что большой медведь задрал ее, отважную, но маленькую?

Они снова начинают брехать, бесстыдно предав забвению заключение родной Европейской комиссии, признавшей, что войну начал Саакашвили. Они говорят: «Ха-ха-ха... Какое заключение? Это заключение путинские шпионы писали. Весь мир знает, кто на кого напал и кто кого драл». Саакашвили прямо заявляет, что только «полные дебилы и идиоты» могут думать, что войну начала Грузия, и «говорить такое аморально».

От того, кто упорно лжет, правда скроется навсегда. Он становится к правде слеп. Принудить к миру можно, но принудить к правде нельзя. Даже под пыткой.

Есть клеветники наемные, как у Лермонтова, а есть и убежденные. Но бывают и такие, которые давно разубедились и охладели, и все-таки клеветуют по инерции или для пиара, заодно демонстрируя, что они не изменяют своим принципам.

Кикабидзе говорит, что ничего не имеет против русского народа, что это хороший народ, что он умеет слушать песни. Но потом как бы стеснясь оговаривается: подавляющее большинство россиян одобрили то, что сделал Путин на Украине и в Грузии, и это «обезличивает их достоинства».

Честное слово, жаль этого симпатичного человека. Кто поймет его роскошный грузинский акцент (на котором, по совести, держится всецело обаяние исполняемых «Мимино» песен), кроме русского человека? Только русский может понять музыку грузинского акцента. Сколько не пой для американца, он не услышит главного.

Они говорят, что у них нет другого пути, кроме как в НАТО (потому что олень золоторогий забодал, голубь со стальными крыльями заклевал, тоталитарный медведь задрал). Конечно, у них нет другого пути. Они не оставили себе другого пути: им

стыдно за то, что они сделали. Им легче стоять на своем и притворяться, что это не они предали, а их предали, что это не они убивали, а их убивали, – и от этого они ненавидят еще крепче. Оттого, что вынуждены из-за нас притворяться. Вон сколько с нами хлопот!.. Так пусть знают, что у осетин нет другого пути, кроме России. И пусть покажет время, кто выбрал верный путь.

НАТО? ЕС?.. Видел ли кто когда-нибудь крыс, бегущих на тонущий корабль? На тонущий – с тонущего? Вот такие мутации.

Экстерриториальный руководитель «Шида-Картли» Дмитрий Санакоев, отчего-то похожий на Саакашвили, говорит, что у осетин нет никакой независимости, что Россия пришла в Осетию не для осетин, а для себя. А грузины для кого пришли? Для миротворцев? Ладно – осетины. Кто стреляет в осетин – стреляет в осетин. Но кто стреляет в миротворцев – стреляет в мир.

Я слышал, как один молодой грузин признавался нашему журналисту: «Если снова будет война – снова пойду. А что делать? – ведь я родился грузином». Позиция, конечно, легкомысленная или даже дурацкая: ведь патриотизм заключается в защите своей земли, а не в разорении чужой, – и тем не менее она, эта позиция, хоть какое-то уважение вызывает. А когда Гананольский говорит, что «осетины просто денег хотят, и если их Грузия перекупит, то они со своими патриотическими криками вернутся в Грузию», – это не вызывает никакого уважения.

Там нет столько денег, чтобы Осетию купить. Процветающая Грузия? Грузия без коррупции? Утомленные своими внутривластными надеждами, мы сами творим миф о «грузинском чуде». Грузия – потемкинское государство. Лучше тысячу раз коррупция, чем такой олимпийский позор.

Нино Бурджанадзе говорит: «Грузия сейчас на 5 месте в мире по числу заключенных на душу населения. В современной Грузии больше зеков, чем в 1937 году, хотя тогда население Грузии было больше, чем теперь... В Грузии модно ругать Россию и хвалить НАТО. Мы соревнуемся в своей ненависти к России и любви к Западу и Америке. Это – болезнь. У нас нет власти, которая бы осмелилась вести диалог с Россией...»

Последнее означает, что им стыдно.

Жили-были два брата. Был у них общий враг, от которого они сообща и с успехом защищались. Когда младший брат возмужал, старший построил ему дом, и младший зажил в своем доме и своим умом. Однажды старший брат занемог, а младший позвал к себе бывшего врага и говорит: «Гости тут, ешь и пей, сколько хочешь». А гость ему лукаво: «А что скажет твой брат?» А тот ему гордо: «А что мне мой брат! Я сам себе голова». Что будет, когда старший брат выздоровеет?

Что вам не нравится, братья? Разве плохо быть младшим братом? Разве на нем меньше обязанностей, разве ему нечем заняться на пользу обще-

му делу? А когда младшему лень работать, разве старший брат не сделает за младшего его работу? Разве он не слуга своему младшему брату? Разве старший брат не давал младшему первому напиться воды, разве он не отрезал ему самый жирный кусок: ешь, расти, догоняй?.. Разве там, куда вы идете, вы будете старшим братом?.. Отчего вам лучше быть младшим братом чужака, чем родного старшего брата?..

*Мальчик, иди домой,
Если, конечно, есть у тебя дом,
А если – нет,
Если весь этот мир тебе – дом родной,
Тогда – что подделаешь,
Остановись на мосту, посмотри сверху
на Мтквари,
Как переполнены воды костями блудных
сынов...*

(Андро Буачидзе. «Так закончилась игра в карты при лунном свете», 2007)

6. ОБРАЗ ВРАГА. К РУСОФОБАМ

Обозревая поэтические ландшафты прошлых эпох, нельзя не восхититься тому, насколько точно они характеризуют современный исторический момент. В сущности, политическая история России – один бесконечно длящийся миг. В русской литературе существует четкий дискурс увещаний агрессивной и нервной Европы, восходящий к одам Ломоносова. Голоса русских поэтов звучат настолько «в тему», что кажется, будто они сейчас – из гробов своих – говорят...

*О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
(...) Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..
Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
(...) Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.*

(Александр Пушкин.
«Клеветникам России», 1931)

(...) Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?...
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего жаря;
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя.

Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Все, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.

(...) Но честь России невреждена.
И вам, смеясь, внимает свет...
Так в дни воинственные Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шел Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,
Бежал за светлой колесницей
Один наемный клеветник.

(Михаил Лермонтов. «Опять,
народные витии...», 1836)

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавая наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!
Вот – срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет – не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!
О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип...
(Александр Блок. «Скифы», 1918)

Приспело время, гневной и горькой,
Взять правде свои права.
В Париже, в Лондоне, в Нью-Йорке
Пусть слышат эти слова.
Еще поля лежат в запустенье,
Не высохли слезы вдов,
А землю опять накрывают тени
Одетых в траур годов.
Словесный лом атлантических хартий
Гниет на дне сундука.
И снова жадно шарит по карте
В стальной перчатке рука.
С трибун лицемеры клянут захваты,
Сулят и мир, и любовь.

Но после войны ушли в дипломаты
Начальники их штабов.
И возлюбили их генералы
В посольских дворцах уют.
Пейзажи Камчатки, Баку, Урала
Опять им спать не дают.
Запасы атомных бомб в избытке
Расставлены напоказ.
И головы подняли недобитки
Восточных и северных рас.
Все злее становятся и наглее
Писанья ученой тли,
Чьи предки замучили Галилея,
Джордано Бруно сожгли.
И ложь нависает смрадным туманом
У мира над головой.
И слышен все громче за океаном
Вчерашний берлинский вой.
С холопским усердием лжец ретивый
Анафеме предает
Тебя, героический, миролюбивый,
Родной советский народ.
Когда из пепла, руин и разора
Свой дом поднимаешь ты,
Тебя клеймит стоязыкая свора
Потоками клеветы.
И мы этот сдобренный словом божьим
Горячечный, злобный бред
Оставить на совести их не можем –
У них ведь совести нет,
И не на что ставить пробу и пломбы...
Они от своих щедрот
Пихают кукиш атомной бомбы
Голодной Европе в рот.
Бряцая оружием, сея страхи,
Грозя растоптать и сжечь,
Они под шумок сдирают рубахи
У ближних с костлявых плеч.
Шантаж называя долгом высоким,
Обман громоздя на обман,
Они выжимают последние соки
Из обескровленных стран.
Приятно щекочет их обонянье
Кровавый запах войны...
Но на крушенье их планы заранее
Историей обречены.
Недавней войны кровавая рана
Не даст нам беду проспаться.
И в недрах земли не хватит урана,
Чтоб двинуть историю вспять.
Я вижу над их бесславным закатом
Свободных народов суд.
Ни доллар, ни ложь, ни разбуженный атом
От кары их не спасут.
Пока не взревели глотки орудий
И стены не пали ниц,
Возвысьте голос, честные люди,
Сорвите маски с убийц!

(Алексей Сурков. «Возвысьте
голос, честные люди!», 1947)

Вся русская поэзия подтверждает, что наше дело правое. Думаю, нет другой поэзии, с таким изяществом трактующей геополитические вопросы. Если нет правды, откуда взяться изяществу?

8. К РУСОФИЛАМ. ОБРАЗ ДРУГА

Есть, однако, в русской поэзии и другой идейный нарратив, отражающий живой и не менее реальный процесс взаимного сближения и познания народов и культур. Одним из лучших классических образцов такой поэзии является стихотворение князя Петра Вяземского «Англичанке».

*Когда, беснуясь, ваши братья
На нас шлют ядры и проклятья
И варварами нас зовут, –
Назло Джон-Булю и французам,
Вы, улыбаясь русским музам,
Им дали у себя приют.
Вы любите напев их стройный,
Ум русский, светлый и спокойный,
Простосердечный и прямой.
Язык есть исповедь народа:
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной.
Крылова стих простой и сильный
И поговорками обильный
Вы затвердили наизусть;
Равно и Пушкина вам милы
Мечты, стих звучный, легкокрылый
И упоительная грусть.
Умом открытым и свободным
Предубеждениям лженародным
Не поддались вы на заказ
И, презирая вопли черни,
В наш лавр не заплетая терний,
Не колете нам ими глаз.
Вы любите свою отчизну,
Другим не ставя в укоризну,
Что и у них отчизна есть.
Вам, англичанке беспристрастной,
Вам, предрассудкам неподвластной, –
Признательность, хвала и честь.
Боясь, чтоб Пальмерстон не сведал
И вас за руссицизм не предал
Под уголовную статью,
Украдкой варварскую руку,
Сердечных чувств моих в поруку,
Вам дружелюбно подаю.*

Адресат этого стихотворного послания – некая г-жа Штейгер – брала у П.А. Вяземского уроки русского, – и когда позже началась Крымская война и британская пресса чернила народ России и его культуру, ей достало смелости выступить в его защиту. Насчет уголовной статьи Вяземский, конечно, пошутил, – но умные шутки живут лишь сутки, а потом становятся пророчествами. Сегодня «руссицизм» – это такая на Западе роскошь, что за нее

можно поплатиться и свободой, и репутацией. Тем не менее растет число граждан США и ЕС, в том числе знаменитых деятелей культуры, выражающих желание получить, по примеру Жерара Депардье, российский паспорт. Значительная их часть попала в составленный министерством культуры Украины (!) «черный список» персон, которые «создают угрозу национальной безопасности» этой самой бдительной в мире страны.

7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФАУНА. НАРОД КАК ЗВЕРЬ

Подчеркнуто самобытное историческое поведение некоторых народов вызывает классические животные ассоциации. Черчилль, как известно, назвал Польшу «шакалом Европы». Между тем на польском гербе красуется орел (геральдических орлов очень много развелось; орлы теперь летают стаями, как позорные вороны). Современная зооморфная геральдика – это уже галантерейный тотемизм; но политическая поэзия вновь наполняет образы животного мира кондовой тотемической жизненностью: «Лев ныне токмо зрит ограду, // Чем путь ему пресечен к стаду» (М.В. Ломоносов); «Волк, думая попасть в овчарню, // Попал на псарню» (И.А. Крылов); «Британский леопард // За что на нас сердит? // И машет все хвостом, // И гневно так рычит?» (Ф.И. Тютчев); «Пусть бритта, жадного удава // Бур искрошит...» (К.Л. Хетагуров); «Петух однажды, // дог // и вор // такой скрепили договор...» (В.В. Маяковский) и т. п.

Естественно, что «звериный стиль» актуализирует классификацию «хищник – травоядное»: «Давно ль, о хищник, пожирал // Ты взором наши грады?», – вопрошал в 1812 году Жуковский у французского петуха (даром что на гербе Наполеона тоже был орел). Не обольщайтесь: петух – весьма коварный зверь. Он даже в жареном виде опасен. Нельзя стоять к нему спиной... Да, уже никто не хочет быть белым и пушистым. Все зайки дружно бьют челом, чтобы их записали в хищники, и время от времени показывают, что они тоже умеют рычать. Библия предостерегает нас о волках в овечьей шкуре; но овца в волчьей шкуре хуже волка. Миропорядок, зафиксированный еще в Авесте, окончательно разрушен.

Чего хотят от нас эти полчища разношерстных и разноперых хищников? Называя, вслед за Жуковским, наших «партнеров» хищниками, я именно хочу указать принципиальную онтологическую разницу между русской и другими цивилизациями.

Они изображают Россию медведем. Это представляется натяжкой. Это всего лишь «образ врага», нарисованный врагом. Медведь – такой же хищник, хоть и не прочь отведать и меда, и малинки. Россия видится мне в образе скифского – сказочного – золоторогого оленя, загоняемого дикой сворой шакалов и лис, пораженных бешенством.

Вот она – причина русофобии: роскошные, самой природой возложенные на ее чело, подобно

короне, золотые рога, изящество – ибо нет зверя красивей – и обширные, нехоженые, первозданной чистоты владения. Словом – зависть.

И еще – страх. Россия генетически – травоядный зверь, и тем она и опасна этому царству хищной фауны. Еще бы: ведь Россия предлагает миру политическое вегетарианство, а желающих отказать от живой дымящейся крови в этом мире нет. Страшно лишиться любимой отбивной слабой прожарки. Вот и думают львы да волки, лисы да шакалы: «Дурной пример заразителен; что если весь лес, забыв свои древние законы, перейдет на «зеленку» устава ООН и Совета Безопасности?.. С голоду ведь передохнем. Что если древний лес соблазнится идеей равенства и справедливости, чтобы каждый ягненок почувствовал себя полноценным членом земного общежития, и мог оспаривать у водопадья волчьё басенное право?.. Конеч времен!»

Они притворяются, что они боятся медведя. Они были бы рады, если бы Россия была медведем. То есть таким же хищником, как они. Именно оленя они и боятся.

9. СМЫСЛ НАРОДНОГО БЫТИЯ

Конечно, народы и цивилизации соревнуют к вечности. Они ревнуют друг друга к вечности, понимая, что не всем уготовано равно долгое бытие. В этом смысле Нафи Джусойты верно писал, что национальная идея – это идея бессмертия, мечта о бессмертии. Народ хочет быть и множиться. Человек может не хотеть множиться, но народ не может этого не хотеть. Любое море хочет стать Мировым океаном. Но разве оно хочет поглотить все другие моря и озера, так, чтобы и имен их не осталось в истории, чтобы не осталось ни одной карты прежнего мира? Конечно, нет. Так в чем же смысл народного бытия? Ответ прост. Если человек должен стремиться к тому, чтобы и всем людям было хорошо, то народ – чтобы и всем народам было хорошо. Соревновать к вечности можно только в добре.

Россия, по мысли ее лучших умов и по ощущению ее самых чистых сердец прошлого и настоящего, должна стать не только мощным политическим центром, но и, что гораздо важнее, совестью мира. Образ «святой Руси» неразрывно связан с представлением о национальной русской идее...

Когда наш спутник доставил на Землю лунный грунт (всего-то горшок), Россия всем странам, кото-

рые имели свою науку и могли оценить это по достоинству, дала по щепотке: изучайте, работайте, догоняйте. А из 300 килограммов американского лунного грунта никто не видел ни одной песчинки. Говорят, что это доказывает, что они не были на Луне. А мне кажется, что если бы они и были, то все равно не поделились бы... Скупцы, мизантропы – и луны.

Русь! Не трусь! – все идет по плану. Шведы гнут. Но – черт побери! – народ не должен побираться. Народ не может попирается. Не будет народного бытия – не будет и смысла народного бытия. Не бросайте в спокойное море камней. Во внутренней социальной, финансовой и политической жизни мы подошли к опасной черте, и скоро ссылки на глобальные процессы и даже на консенсус с «глобальным предиктором» перестанут работать. И я отложусь от нее, перестану быть источником этой власти и обесточу ее. Надо же: как только я присягнул Путину, моя верность подверглась испытанию; все по святым отцам выходит. Я не могу оценить путинские новеллы к пенсионной реформе с содержательной стороны (я не финансист, а он не Цвейг), но прочитаны они из рук вон плохо. Он как будто оправдывался, упрасивал и извинялся. Перед кем?.. Перед народом?..

Штирлиц больше всего любил стариков и детей. Вы тоже разведчик, господин Президент.

Чему верить? Как понимать?.. Я, конечно, мог бы заявить, что присягнул ему в шутку, ради красного словца, – но кто же присягает ради красного словца?.. И еще: вдруг он скажет мне потом, когда будет праздновать победу с другими своими пехотинцами: «Малодушный, почему ты усомнился?»

И я останусь один со своими классическими ассоциациями:

*...Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу!
Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянь!
Они на бранное призыванье
Не шли, не веря дивным снам.
Прельстись добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.*

I.S. Khugaev
«THE IMAGE OF THE ENEMY». RUSSOPHOBIA
IN THE MIRROR OF RUSSIAN POETRY